

ЖАВОРОНКИ

Гитары звенят ночами,
К созвездьям ракеты мчат...

Эдуард Асадов.

I

– Спасибо, люди, всё было отлично.

Директор коммунарского лагеря Максим Перевалов, которого здесь называли просто Макс, поочерёдно пожимал руки выстроившимся перед ним студентам-практикантам. Их было четверо: две девушки, такие разные и такие похожие точностью крепких тел, особой грацией плавных и точных движений, затаённой радостью во взгляде; и двое юношей, или уже молодых мужчин – подтянутых, в присутствии своих дам благородно сдержанных и не многословных по пустякам.

– Никита, молодец, что приехал и друзей привёз. Очевидно, в Москве ты окажешься раньше меня, так что передавай там всем привет.

Никита был высок и темноволос, многие отмечали, что он похож на отца – довольно известного путешественника и писателя. Рядом с Никитой, доставая ему до плеча, стояла девушка лет девятнадцати: тонкие черты лица, открытый взгляд широко расставленных серо-зелёных глаз, пушистый хвост пепельно-русых волос, переброшенный через плечо поверх чётко прочерченной ключицы в вырезе приталенной льняной блузки, длинные загорелые ноги.

– Олеся, ведьма дебрянская, до чего же ты хороша!

Тонкая ладонь девушки утонула в широкой и мягкой ладони директора, лицо осветилось улыбкой.

– Спасибо тебе, – продолжал Максим, – дети были в восторге... – и, вновь обращаясь к Никите, добавил: – Береги её там, а то улетит на метле, и не найдёшь.

– Найду. – Никита произнёс это вполне серьёзно и невозможно, но директор видел, как в глубине его каштановых глаз загорелись озорные огоньки.

Другая пара – Камила и Энрике. Она – постарше подруги, в оливковом платье чуть выше колен, большие чёрные глаза над широкими скулами, чёрные волосы, приподнятые на висках и рассыпанные по плечам, стройный стан, амфора бёдер. Он – темнокожий атлет в пёстрой рубаше, расстёгнутой на груди, лет двадцати четырёх – самый старший в молодёжной компании.

– Спасибо, ребята! Теперь я точно побываю в Колумбии. Тем более, если у вас там такие красивые девушки... Энрике, приглядывай там за ней!

– Вы очень любезны, директор, – отвечала Камила, подавая руку. – Теперь ждём вас в Колумбии.

– Будь спокоен, Макс, эту женщину я упустить не собираюсь, – в свою очередь пробасил Энрике. – До встречи на боливарианской земле!

В УДН отличная языковая школа, в очередной раз отметил Максим, – колумбийцы говорили по-русски практически без акцента.

Директор сделал пару шагов назад и поднял руку в прощальном жесте. За его спиной мозаика разновеликих квадратов окон белого школьного здания отражала встающее над лесом солнце. Само здание отражалось в тонированных стёклах автолёта, в который загружалась четвёрка путешественников, с отличием выполнивших педагогическую практику в коммунарском лагере на базе одной из иркутских школ.

Мягко закрылись дверцы. Никита включил двигатели. Медленно поползли в стороны и вверх прочные серебристо-серые крылышки, с тихим гулом закрутились раскрывшиеся на них воздушные винты, приводимые в действие двумя шестисотсильными электромоторами. Машина плавно взмыла над землёй и, набирая высоту и скорость, пошла на восток.

Снизу экспериментальная модель «Терра-2Э» была похожа на крылатую мельницу – директор улыбнулся такому сравнению. «Мельница» стремительно удалялась навстречу солнцу. Вчера старый приятель Никитино отца, автомеханик и краевед Игорь Подшивалов давал ребятам последние наставления и теперь, видимо, считая, что они достаточно проинструктированы, спал сном праведника.

Максим поправил пояс на кимоно, развернулся и уверенной походкой человека, который никуда не торопится и всюду успеваешь, направился во внутренний парк, окружённый кольцом школьного здания. Плитка, которой был выложен проходной холл, приятно холодила босые стопы. До подъёма ещё оставалось время, чтобы пошлифовать технику карате, а затем с чашкой свежесваренного улуна удобно расположиться в плетёном кресле возле розового куста, слушая, как над лугом поют жаворонки...

Остались позади городские окраины: мачты ветряков, дома под разноцветными крышами среди зелени, линии аллей и улиц. Теперь внизу простирался обширный лесной массив. Справа по курсу, почти сливаясь с линией горизонта, синела лента Ангары. Впереди вставали первые гряды холмов – близился Приморский хребет.

– Позавтракать предлагаю в Большом Голоульном. Игорь говорил, там делают вкусные блинчики. – Никита передал управление автопилоту и откинулся в водительском кресле, подставляя лицо потокам воздуха из приоткрытого бокового окна. – Полёт нормальный. Как самочувствие экипажа?

– Я уже привыкла, пока мы тренировались с Игорем, а вначале было – жуть! – весело отозвалась с заднего сидения Камила.

– Как в маленьком самолёте, – подхватил Энрике. – Я летал в таком над сельвой, отец показывал места, где воевал в юности.

– Сверху похожа тайга на сельву?

– Нет, совсем другой лес.

Олеся извлекла из холщовой сумки термос в корпусе из мягкого пластика с изображением нахолившейся совы.

– Народ, кому кофе?

– Кружки в багажнике остались.

– Не беда, пустим чашку по кругу.

Она наполнила ароматным напитком отвинчивающуюся крышку термоса и передала её Никите.

– Ники знает, я в детстве мечтала стать стюардессой. Родители брали меня с собой в командировки, я много летала сначала с ними, потом со своим классом в школе и всегда восхищалась этими, как мне казалось, безупречно красивыми девушками и женщинами, приветливыми хозяйками воздушных судов. Потом с родителями стал летать младший брат.

– Воспитание мужчины, – прокомментировала Камила.

– Точно. Вырастет таким романтизированным «мачо», как в кино. А моя детская мечта, как видите, сбылась: угощаю всех кофе в полёте.

– Кофе отличный, как дома, – откликнулся Энрике. Они с Камиллой сбросили обувь и устроились с ногами на сидении. – Наверное, так ты и стала географом – путешествуя?

– Наверное. Географией меня увлекли в старших классах.

– Учителя?

– Учителя. Стас... Станислав Игоревич и его жена Анжела Юрьевна. Он вёл географию, она – астрономию. С ними мы изъездили и исходили много интересных мест, были в Крыму, на Кавказе, на Иссък-куле, на Куршской косе... не говоря уже о родных орловско-брянских лесах, где мы однажды прямо на поляне поставили «Лісову пісню» Леси Украинки. А это ночное небо над нашими стоянками, и такие волнующие рассказы о звёздах!.. Все ребята у нас ходили в рыцарях Анжелы, а в Стаса были влюблены все девчонки.

– Ты тоже?

– Конечно. А через него – в географию. В результате – поступила в Калужский пединститут на географический, и в первой же экспедиции познакомилась вот с ним. – Она бесцеремонно указала пальцем на Никиту. – Ники был на четыре года старше всех моих сокурсников, хотя тогда только окончил первый курс МГУ. До университета успел побичевать, работал на Севере. Интересно рассказывал, это привлекало. Я хотела даже в Москву переводиться, в МГПИ, но не стала, – в Калуге всё-таки курс, друзья, уже начатые проекты. Так что видимся в каникулы – тренируем выдержку.

– И он каждый раз тебя соблазняет? – невинно поинтересовалась Камила.

– Разумеется, – в тон ей ответила Олеся. – Вот, на этот раз педпрактикой в Иркутске соблазнил и этим путешествием.

Она наполнила опустевшую крышку термоса и снова пустила по кругу. Энрике, о чём-то сосредоточенно думавший, вдруг спросил:

– А что такое «побичивать»?

– Побичевать?

– Да. Ты сказала, что Никита до университета успел «побичивать».

II

– Михалыч, слышишь меня?

Сотрудник метеостанции сидел посреди галечного пляжа на массивном стволе поваленного дерева, – лишённом коры и отшлифованном ветром и дождями, – и, глядя в широкий экран изумрудного «Чандрасекара», перепроверял последние расчёты. Не отрывая взгляд от экрана, он извлёк из нагрудного кармана рацию, надавил клавишу «Push-to-talk».

– Слышу отлично. Что у тебя, Кеша?

– У нас посетители, – отозвалась рация голосом Иннокентия Пьяных, двадцати семи лет отроду, егеря Лено-Байкальского заповедника. – Посмотри, твои, наверное.

Сидевший на берегу перевёл взгляд на подёрнутую лёгкой рябью поверхность моря. На малой высоте над водой, пересекая бухту в северном направлении, двигался автолёт. В бинокль – он лежал тут же, на камнях, – были хорошо видны плавные очертания бесшумно летящей машины.

– Да, это те ребята, о которых говорил Максим, они останутся в Заворотной.

Он продолжал рассматривать горизонт в бинокль. Предвечернее небо в полосах высоких и неподвижных облаков, со стороны заката подсвеченных золотистым, излучало покой и безмятежность, над берегом и морем стояло безветрие, но край лиловой тучи, что показался над Святым Носом, говорил об обманчивости этой тишины. Всё верно: барометр падает уже несколько часов.

– Слушай, Кеша, будет буря. Надо бы моторки в ангар отвести.

– Уже отвёл.

– Спасибо! А сам-то ты где?

– На южном кордоне. Как раз собираюсь к тебе топать.

– Хорошо, жду.

Сидевший на берегу вновь обратился к экрану и погрузился в разглядывание разноцветных объёмных диаграмм с всплывающими по запросу числовыми значениями.

– Нет, ребята, от магнитного поля планеты нам не уйти никак, а значит, радиус действия эффекта будет не больше нескольких метров... Что ж, может, оно и к лучшему?... – спросил себя и сам себе ответил: – Может, и к лучшему. Но следующий межтемпоральный эксперимент нужно готовить... правильно, на Марсе, где, как известно, магнитного поля почти нет. Вот где должен получиться полноценный эффект!

Он закрыл программу и снова взял бинокль. Надпись, выгравированная по воронённому металлу, гласила:

*Дорогому Андрею Михайловичу
от учеников и коллег –*

с пожеланием успеха во всех начинаниях.

Ниже стояла дата. Тот, кого звали Андрей Михайлович, нахмурился, замер в задумчивости на пару секунд, а затем решительно повесил бинокль на шею, поднялся и, взяв под мышку «Чандрасекара», направился к домикам метеостанции. Завтра заканчивался продолжительный отпуск, проведённый им здесь, на берегу заповедного озера, в качестве метеоролога, и предстояла дорога – дальняя и долгожданная.

– Ёшкин филин! – воскликнул Иннокентий, едва появившись в дверях. Его голубые глаза были широко раскрыты, спутавшиеся кудри примяты (след оставленной в прихожей «ковбойской» шляпы), а подбородок и щёки покрывала четырёхдневная щетина. – Это же он!

Андрей Михайлович проследил направление его взгляда.

– Разве ты раньше не видел?

«Чандрасекар» теперь стоял на столе, демонстрируя в качестве экранной заставки фотографию. На ней метеоролог был запечатлён вместе с известнейшим писателем где-то в деревянных кварталах старинного города на фоне буйно разросшейся зелени палисадников. Позади, над крышами домов с резными наличниками, тянулась в безоблачное небо белоснежная башня колокольни.

– Фото называется «Ось Вселенной, или колокольня Спасской церкви», – пояснил хозяин «Чандрасекара». – Это мы у него в Тюмени.

– Я и не знал, что вы знакомы. – Егерь шагнул в комнату, отстегнул и повесил на спинку стула кобуру с длинноствольным пневматиком, заряженным усыпляющими ампулами, – на случай, если встреченный медведь, каковых здесь великое множество, окажется вставшим с утра не с той лапы. – Сколько ребят выросло на его историях, дайте ему боги здоровья!.. Когда же ты к нему ездил?

– Семь лет назад, – улыбнулся Андрей Михайлович. – Мы разговаривали о параллельных мирах.

– Хотел бы я вас послушать!.. Семь лет... – Иннокентий что-то прикинул в уме. – Это сразу после того ты в Индию отправился?

– Да. Но здесь он как раз ни при чём. Так совпало, что меня тем же летом нашли коллеги оттуда и сделали предложение, от которого было трудно отказаться.

Он хотел добавить что-то ещё, – возможно, про неслучайность таких совпадений, – но в это время на берег обрушился первый удар дождевого шквала.

Погода сменилась моментально. Теперь за окном проносились сгустки водяной пыли, а растущие на берегу деревья сгибались под сильными порывами ветра. Тугие ливневые струи ударяли в оконное стекло и разливались по нему стремительными потоками. Подойдя к окну вплотную и увеличив таким образом угол обзора, можно было видеть сквозь пелену дождя покрытое «барашками» море и летящие низко над ним косматые дождевые тучи.

Метеоролог, подключив «Чандрасекара» к локальной сети, проверял показания скорости ветра. Иннокентий задумчиво смотрел сквозь оконное стекло.

– На Байкале и не такое бывает. Три года назад я ехал на катере со Святого Носа на Большой Ушканий. Шторм разбушевался на полпути, хотя когда мы выходили, ничто его вроде бы не предвещало. Михалыч, это было что-то! Волны поднимались метра на четыре, и катер в них зарывался носом. Но знаешь, что мне тогда запомнилось больше всего? С нами ехала чета космонавтов, отпуск здесь проводили. Когда начались эти пляски водяных ведьм, все нормальные пассажиры быстро спустились вниз, а та пара осталась на верхней палубе. Ну и я с ними – интересно же! Я вцепился обеими руками в леер, или как там это называется, и молился местным духам, чтобы меня не смыло, а эти двое орали от восторга (впрочем, там уже с расстояния в метр ничего не было слышно), ловили момент, когда катер воткнётся носом в очередную водяную гору, и на этом фоне фотографировались. Вот когда я наглядно убедился, что космонавты – это особый народ. Как и моряки, впрочем...

Хлопнула входная дверь, и звонкий голос из прихожей позвал:

– Есть кто дома?

– О, боги! Светлана! – воскликнул Иннокентий и кинулся вон из комнаты. – Света, ненормальная, на лодке в такой шторм! – Он заключил её в объятия, прямо в плаще, с которого продолжала стекать дождевая вода.

– А я успела... до его начала... и лодка уже в ангаре!.. – Молодая женщина смеялась, уворачиваясь от торопливых и настойчивых поцелуев. – Кеша, ну перестань... вон, Андрей Михалыч смотрит!

Она, наконец, высвободилась и сбросила плащ и штормовку.

– Здравствуй, Света, – приветствовал её метеоролог. – Зря рисковала, могла и задержаться на Ушканьем.

– Здравствуй, Андрей Михалыч! Никакого риска: моторка непотопляемая, ветер попутный, мимо берега не пронесёт. – С этими словами Светлана, ухватившись одной рукой за Кешино плечо, поочерёдно стянула насквозь промокшие кеды вместе с носками, затем выпрямилась и стала поправлять растрепавшиеся косы цвета спелой пшеницы. Всё её существо излучало радость жизни, и она совершенно не стеснялась расстегнувшейся ковбойки, под которой наливались уже ничем не прикрытые упругие груди. – И задержаться я не могла. Во-первых, соскучилась по своему мужчине. Во-вторых, обещала вернуться именно сегодня...

– Мне нравится расстановка приоритетов, – совершенно искренне отметил Андрей Михайлович, пока Иннокентий немел от восторга. – Одобряю и поддерживаю!

– Конечно! Это только у вас «первым делом самолёты»... А в-третьих, – кстати, о самолётах, – мне тебя завтра утром в аэропорт везти.

– Да, Света, наверное, ты права. Только не нужно в аэропорт, достаточно до Усть-Баргузина, дальше я электробусом... А теперь, друзья, предлагаю вам переждать непогоду у меня. Умойтесь, принимайте душ, отдохните, а я займусь ужином.

III

Гость появился из перевозданного хаоса непогоды с наступлением сумерек. Никита как раз рассказывал, как после строительства в прошлом веке Иркутской ГЭС уровень Байкала поднялся, и лагуна превратилась в бухту. В этой бухте – тихой в любую погоду – они уже успели выкупаться и теперь собрались в гостевом доме. Весёлое возбуждение от короткого заплыва, пробежки под ливнем до берега и обратно и от искромётного танца под напоённую солнцем мелодию, рождённую где-то на карибском побережье, постепенно улеглось. Ребята разожгли камин.

– Танцевать надо было тоже голышом, – запоздало произнёс Энрике.

– Это было бы неэстетично, – деликатно возразила Олеся. – Для такого танца, как кумбия, нужен хотя бы минимальный пляжный костюм.

– Даже если танцевать в полумраке? – не сдавался колумбиец.

– Кумбия на Байкале... – задумчиво проговорил Никита. – Мне Южная Америка с самого детства представлялась таким несимметричным отражением Азии, или наоборот, да простится мне эта географическая вольность. Тибет отражается в Альтиплано, Гималаи – в Андах, Байкал – в озере Титикака...

– А сибирский шаманизм – в андинском, – добавила Камила.

– Это называется диссимметрия...

Верхний свет в гостевом доме был приглушён, поленья в камине радостно потрескивали, и оранжевые отсветы падали на окружающую обстановку. По стенам, стеллажам с книгами, раковинами и минералами колыхались тени.

И вот, на пороге возник гость...

То есть, конечно, относился он здесь, скорее, к хозяевам, поскольку был сотрудником заповедника, но исполнение нехитрой служебной обязанности выглядело просто поводом для визита. На вид, наверное, лет пятидесяти (хотя, кто его знает?). Крупный лоб, черты лица

тронуты лучиком тонкой, едва уловимой улыбки, которая, казалось, светилась в полусумраке гостиной. Изучающий взгляд добрых, слегка прищуренных глаз.

Подошёл к каждому, угощая лесной малиной из лукошка – ягоды были ароматные и сочные. – Никита Николаевич Муравушкин – это вы? А это ваши друзья? Очень рад! Правила посещения заповедника знаете? Хорошо. Я отмечаю вашу заявку. Что? Нет, это не я. К нему как раз сегодня любимая женщина приехала, так что я вместо него. Андрей Михайлович, будем знакомы...

Потом он уютно, совсем по-кошачьи, устроился в низком кресле и присоединился к общему разговору, а когда Энрике снова включил музыку, стал с удовольствием отбивать ритм на подлокотнике.

В общем, дядька, что надо.

К десяти часам вечера буря поутихла. За окном слышалось ровное шуршание дождя. Поленья догорали, угли дышали жаром. Все постепенно переместились на пол, образовав полукруг перед камином. Разговор затронул серьёзные темы. Энрике рассказывал о новейшей истории Колумбии, тщательно подбирая слова.

– Партизанская война у нас началась в шестидесятые годы, когда все поняли, что либеральная партия почти не отличается от консервативной и реальные проблемы страны решать не будет. Но наступил шестьдесят восьмой год, в мире началась ВВР. Тогда старое правительство договорилось с партизанами о нейтралитете и взаимном невмешательстве: мы не трогаем вас, вы – нас. Крестьяне, которые бежали от войны в города и жили там в трущобах, возвращались на землю. Индейцы начали возрождать культуру своих народов. Партизаны – строить новую Колумбию. Их территории были самыми отсталыми районами страны, там никогда не было государства, если не считать воевавшей с ними армии. Не было ни больниц, ни школ. Дети могли получить начальное образование только в партизанском отряде, поэтому они шли к партизанам. Женщины были защищены от патриархального угнетения тоже только в партизанском отряде, поэтому сорок процентов партизан были женщины. Дело в том, что колумбийское общество тогда было... как это правильно сказать?... *monstruosamente*... да, чудовищно патриархальным и консервативным, и нужно было строить новое общество. Партизанам помогали добровольцы из других стран, в основном учителя и медики. Благодаря этим учителям – кубинцам, чилийцам, аргентинцам, мексиканцам, испанцам – мой отец получил начальное, а потом среднее образование. В семьдесят седьмом году, когда ему было пятнадцать лет, отец тоже вступил в партизаны.

– Они тогда уже были чем-то вроде политической организации? – спросил гость.

– Не совсем. Это был... *modo de vivir* – образ жизни, – ответил Энрике, а Камила добавила:

– Это похоже на коммуначество у вас.

– Только с оружием, – продолжал Энрике. – А ещё партизаны в то время интенсивно развивали свои идеи.

– «Учились разучиваться»? – уточнил гость.

– Да, это называлось так. Много читали и обсуждали.

– Например?

– Макаренко, Иванова, Фромма, Сило, хорошую латиноамериканскую и советскую литературу... Отец рассказывал, что тогда он первый раз прочитал «Туманность Андромеды», и эта книга произвела на него очень сильное впечатление...

Энрике сделал паузу. В чёрной глубине его зрачков отражались тлеющие угли.

– А потом началась самая последняя война. Частные армии наркобаронов и банды ультраправых накопили силы и перешли в наступление на партизанские территории. Хозяева парамилитарес хотели остановить перемены и законсервировать в Колумбии заповедник варварства. Одновременно с наступлением они начали террор против прогрессивных общественных деятелей. В ответ в Боготе на улицы вышли сотни тысяч, правительство ушло в отставку. Власть в столице сменилась, новое правительство встало на сторону партизан – в

него просто вошли представители партизанских движений. А в страну снова ехали добровольцы.

– Как когда-то в Испанию, – заметил гость. – В восемьдесят втором году в Колумбии воевал мой друг. Он был в интербригаде имени Че Гевары и участвовал в последних боях с бандитами Медельинского картеля.

– У него была военная подготовка?

– Да, без неё не принимали. Друг отслужил в морской пехоте (тогда ещё была армия, и в ней служили по призыву). Сразу после армии написал заявление, прошёл обязательное собеседование у психолога – ему дали добро... Он никогда не рассказывал подробностей о войне.

– Отец тоже не любит рассказывать. Ни нам с братьями, ни матери, никому. Только говорил, что бандиты сопротивлялись с диким отчаянием и делали страшные вещи.

– Я помню начало восьмидесятых, – помолчал, произнёс гость. – Войны, которые тогда вдруг разгорелись в нескольких регионах мира, были шоком. Мы понимали, что пока возможно всякое, но до конца не верили. Думали, что после ВВР ничего подобного уже всерьёз не может произойти. Оказалось, может, потому что смена строя в основных центрах цивилизации ещё не избавляла догоняющие регионы мира от кризисов перехода к индустриальному обществу. Спасти от катастрофических сценариев могли только грамотные упреждающие реформы, но поняли это не сразу.

– И тогда при ООН был создан Институт ритмов истории, – произнёс Никита. – Мера оказалась успешной.

– Да. Никаких неприятных сюрпризов за прошедшие тридцать восемь лет...

Тема разговора постепенно подошла к завершению. Гость взглянул на мерцающий циферблат на стене.

– Ладно, друзья, спасибо за интересную беседу, но полечу я к себе, мне ведь ещё в дорогу собираться. Работу свою на Байкале я закончил.

– Далеко едете?

– В Индию, в Космологический институт в Ладакхе, – улыбнулся бывший метеоролог. – Как-нибудь расскажу. – И добавил, легко поднимаясь с места: – Не забудьте перед отъездом дров наколоть для будущих посетителей.

Все высыпали на крыльцо провожать нового знакомого. Тепло со всеми простившись, тот надвинул капюшон дождевика и направился к оставленному поодаль автолёту заповедника, постепенно растворяясь в ночи.

– Андрей Михайлович! – внезапно окликнула его Камила. Гость остановился. Обернулся. – А где сейчас ваш друг?

– В Тихом океане, – долетел ответ из дождливой темноты. – Он моряк. А порт приписки – город Ленинград.

IV

– Михалыч, как тебе ребята?

Заспанный Иннокентий стоял возле крыльца и тёр глаза. Бывший метеоролог закинул свой дорожный чемодан в багажник автолёта и подошёл к егерю.

– Отличные ребята. Парень с девушкой наши, и парень с девушкой из Колумбии.

– Две молодые пары, как это прекрасно! – воскликнула Светлана. Счастливая, растрёпанная и невыспавшаяся, она протирала губкой ветровое стекло, мурлыча вполголоса какую-то песенку. – Я знаю, у каждой после твоего ухода ещё была бурная ночь любви, и теперь они спят сладко, как младенцы.

– Ты как будто им завидуешь, – ревниво заметил егерь.

– После такой ночи? Нисколько!

Пряча смущение, Иннокентий поспешно произнёс:

– Михалыч, прости, мы тебя прервали. Когда ребята отбывают?

– Сегодня, – невозмутимо отозвался бывший метеоролог. – Летят до Северобайкальска, оттуда отправят автолёт на базу в Иркутск – до Усть-Кута поездом, дальше почтовым дирижаблем, – а сами поедут по БАМу на восток... Что, Света, уже пора? Давай, я за руль сяду.

– Не надо, Андрей Михалыч, это тебе не к гостевому дому слетать, Кешу подменить. Прав вождения у тебя по-прежнему нет, так что садись на пассажирское.

– Что ж, ты, как всегда, права. – Он снова обернулся к егерю: – Ну, бывай здоров, Кеша!..

Потом навстречу летели клочья утреннего тумана. Внизу седой Байкал неторопливо перекачивал тёмные валы, которые едва не касались днища низко идущей машины. Слева вставали зелёные берега Святого Носа, справа сквозь редящий туман различались очертания шаманского Ольхона.

За час Светлана домчала его до Усть-Баргузина.

– Лети спокойно, странствующая душа, байкальская метеорология в надёжных руках. Вот в этих. – Молодая женщина протянула к нему обе ладони, как бы демонстрируя их, затем порывисто обняла и поцеловала, привстав на мысочки. – Не забывай нас!

Она села в автолёт и, помахав рукой, снялась с места. В это же время к остановке подкатил рейсовый электробус и гостеприимно открыл двери. Ну, будь счастлива, Света, спасибо за встречу на пути!

Бывший метеоролог занял место возле окна. По-прежнему было раннее утро, и большая часть пассажиров дремала в креслах. Только впереди о чём-то беседовали вполголоса две девушки – одна с европейскими и одна с монгольскими чертами лица.

Через десять минут машина уже мчалась по трассе, ровное полотно дороги бесшумно исчезало под колёсами, а в наушниках звучал, сопровождаемый гитарой, голос поэта-певца.

...Изготовь из меня, пилигрим,
Новый посох себе или гриф,
Проложи по нему свои струны, – я буду с тобою!
И в дорогу меня ты возьми:
Мне так нужно увидеть весь мир
И ступить на священные камни босою стопою.¹

Что за глупое выражение – «конец географии»! Кто его выдумал? Конечно, два перелёта за день – из столицы Бурятии в столицу Индии и из столицы Индии в столицу Малого Тибета – и вот, ещё вчера вечером в гостевом доме Лено-Байкальского заповедника ты наслаждаешься беседой у камина в русско-колумбийской компании, а сегодня любишься величественными видами западных Гималаев. Но разве юная боливарианская земля, сказочный Байкал, блистательный Дели, с его несмолкающей музыкой и фантастический Ладакх, будто бы высеченный из разноцветного корунда и горного хрусталя, – это не четыре совершенно разных мира, каждый из которых красив и уникален по-своему?

Лех, аэропорт со сложным названием «Кушок Бакула Римпочи».

– Андрей, привет!

– Намасте, Рам! Ты откуда здесь?

– Тебя встречаю, конечно, – ответил индеец, протягивая коричневую ладонь. – Что тебя удивляет, разве не ты прислал сообщение о времени своего прилёта? С иркутского адреса.

Что ж, понятно. Света с Кешей позаботились.

Снова автолёт, теперь институтский. Осторожно, осмотрительно, но уверенно распространяется этот вид транспорта, и это замечательно: не нужно прокладывать новые трассы, ресурсы расходовать, природу тревожить. Андрей помнил обстоятельные обсуждения программы развития «трёхмерного транспорта», помнил, как после принятия программы на интерактивных страницах союзного «Киберсина» между опытно-

конструкторскими, производственными, распределительными и коммунальными центрами обозначились новые ресурсные потоки...

Весельчак Рам – из Кералы, с малабарского побережья, в Ладакх его занесло выполнение докторской работы. Но ведь южный темперамент не спрячешь:

– ...тогда я ей говорю: красавица! бёдра твои!.. Нет, Андрей, я не знаю, как это выразить по-английски, а если я скажу на малаялам, ты меня не поймёшь...

Они перевалили Кардунг Ла, спрямили по воздуху двадцатикилометровый участок горного серпантина и теперь мчались навстречу раскрывающейся долине по идеально гладкому шоссе. Навстречу плыли пёстрые склоны гор. За поворотом внизу открылось селение: белые домики под жёлтыми, красными, оранжевыми крышами, утопающие в зелени садов, поля холодоустойчивой пшеницы и ячменя, отороченные сочными лугами, а вокруг них – ряды солнечных батарей. Оазис в высокогорной пустыне под ослепительно-синим небом в клочках белых облаков.

Дальше начинаются причудливые фигуры на дне глубокого ущелья – сфинксы, крепостные стены, круглые башни, а над ними – выветренные утёсы золотисто-терракотовых гор с фиолетовыми прожилками по склонам.

Затем горы вновь расступаются. Высоко в небе над широкой долиной кружатся орлы, а налево от дороги, вниз по реке, открываются песчаные поля с дюнами. Верблюды-бактрианы неторопливо, с достоинством поворачивают головы вслед машине. Рядом бурлит и пенится Шайок, вбирая в этом месте свой правый приток – Нубру.

Здесь пролегает трасса рейсового дирижабля, который курсирует между обсерваторией в Ханле и институтом, закладывая огромный зигзаг по живописным долинам трёх больших рек. Последний раз Андрей катался на нём в обсерваторию около года назад, чтобы послушать выступление известного астрохимика из Сянгана, исследователя межзвёздного органического вещества. Вновь вспомнился красивый и немного печальный афоризм Джинса: мы состоим из пепла давно погасших звёзд...

Из задумчивости его вывело восклицание Рама:

– Давно пора!

– Это ты о чём? – не понял Андрей. Индиец снял наушник и бросил его на переднюю панель.

– Передали: проект ретранслятора солнечной энергии на Луне поставлен на обсуждение.

– Да, хорошая новость, я уже читал в самолёте.

После моста они повернули налево и теперь поднимались по широкой долине Нубры.

– Рам, как тут мои москвичи устроились?

– Твои москвичи всю неделю путешествуют по монастырям и местам с картин Рериха, а вчера взяли палатку и ушли на перевал.

– Что за перевал?

– Они сказали, что вычислили, откуда открывается вид с какой-то специальной картины, и решили взглянуть. Обещали вернуться завтра...

Въездные ворота охраняют два каменных льва. Дальше – разбросанные корпуса кампуса. Из зарослей тамариска с протяжным музыкальным мяуканьем появляется пожилой рыжий котяра, подходит и начинает с остервенением тереться об ноги.

– Здравствуй, старик! – Андрей присаживается на бордюрный камень и аккуратно кладёт ладонь на кошачий затылок. – Соскучился? Я тоже.

Стремительно заходит солнце, долина внизу зажигается огнями поселений. Уютно подсвечены дорожки парка, но ветер с гор несёт ощутимую прохладу – нижний край ледника близок. Теперь главное – не проспать назначенный сеанс видеосвязи...

Андрей не проспал. Рассвет следующего утра он встретил возле включённого экрана, расположившись у окна, обращённого в сторону Ладакхского хребта. По ближнему склону

широкими плавными извивами спускалась дорога. По краям были выровнены террасы, покрытые искусственным плодородным слоем, с подведённой системой капельного орошения. На них поднимались голубые саженцы гималайского кедра: со временем здесь будет великолепная роща. Каменистая верхушка гребня уже сияла в лучах быстро встающего солнца.

– Привет, Андрей!

– Привет, Костя! Ты там трубку куришь?

– Нет, это мате. – Сделав последний глоток, электрик научно-исследовательского судна «Александр Казанцев» отставил в сторону сосуд из выделанной мелкой тыквы с тростниковой соломинкой – «бомбижей», – действительно, немного напоминающий курительную трубку, и приблизился к экрану. – Итак, ты снова в своём «Бан Тоголо».

– Да, вот вернулся, как и было запланировано. – Андрей подвинул «Чандрасекара» так, чтобы друг мог полюбоваться видом из окна. – А ты в своей каюте, я её узнаю по той японской репродукции, что у тебя за спиной.

– Да, подарили в порту Нагасаки, когда помог им починить проводку... Москвичи с тобой?

– Они здесь уже неделю, но я их ещё не видел. Ушли в поход по рериховским местам.

Брови моряка поползли вверх.

– Рискуют опоздать к эксперименту, – заметил он. – Что ж, сами будут виноваты.

– Костя, они нашли то место, которое на картине Рериха «Путь в Шамбалу» и в главе «Твердыня Тибета» у Ефремова: «Невозможно прекрасная гора, беспощадная, сверкающая...» Помнишь?

– Помню. Там ещё какое-то несоответствие во времени суток было?

– На картине, судя по расположению хребтов, изображены часы перед рассветом, а в книге – сразу после заката.

– Да, любопытно. Слушай, а ты-то сам когда вернулся?

– Только вчера вечером. У вас в районе острова Пасхи как раз было утро. А теперь наоборот – мы с тобой теперь точно в противофазе.

– Как будто по разные стороны маятника Фуко.

Андрей улыбнулся. Он давно знал своего друга, который дожил до внуков, но по-прежнему оставался для всех просто моряком Костей, и чья тонкая поэтическая натура для многих была скрыта за внешне сдержанной манерой общения.

– Очень интересное сравнение. Очень точное, но только для начального момента движения.

– Поясни.

– Если мы сейчас попросим кого-нибудь из наших ленинградских знакомых пойти в Исакий и запустить маятник Фуко параллельно дуге, которая соединяет нас с тобой по поверхности Земли... – начал объяснять Андрей.

– Я понял, – остановил его моряк. – В школе проходили: уже через секунду Земля повернётся под маятником, и мы вместе с ней, а маятник сохранит прежнее положение в пространстве.

– ...И уже не будет ходить точно между нами. Кстати, Костя, межтемпоральный эксперимент в чём-то похож: мы выбираем некоторую точку на Земле, затем как бы отрываем её от текущего локального момента, поднимаем над параллельными потоками времени, и снова опускаем, но уже в соседний временной поток.

– Не знаю, как такое возможно, но наглядно, – отметил моряк. – А что это за мистика с волшебными углами?

– Насчёт мистики очень верно, – развеселился Андрей. – Со студенческих лет убеждаюсь, что главные мистики – это математики. «Волшебный угол» – примерно пятьдесят четыре с половиной градуса, ровно столько сейчас между земной осью и линией, которая соединяет «Казанцева» с институтом. При таком выборе угла удаётся свести к минимуму мешающее влияние магнитного поля Земли.

– Но полностью его исключить нельзя?

– Нельзя, – подтвердил Андрей. – И это хорошо: эффект будет очень локальный – на небольшом пятачке в глубине институтского двора. Никого не потревожит.

– В глубине двора, как в глубине Кристалла... Что ж, спасибо, что разъяснил, а то ваш академик мне ничего толком сказать не мог.

– Сильно волнуется?

– Сильно. Хотя всё должно быть нормально, я сам электрическую схему трижды проверил, и проверю в четвёртый раз. – Моряк сменил тему: – Как дела на Байкале?

– Байкал необыкновенно красив, как всегда. В последний вечер я там с молодёжью общался.

– Ты же там с ней вроде всегда общаешься? Эти твои Кеша и Света.

– Нет, совсем молодые.

– «Жаворонки»?

– «Жаворонки». Вестники нового утра. Никита Муравушкин – сын интересных родителей, которые сейчас работают где-то у индейцев Мексики и Гватемалы. С ним Олеся из Полесья.

– Прямо как у Куприна, – заметил моряк.

– Да, но только этой, по понятным социальным причинам, гораздо больше повезло в жизни. И ещё одна пара, между прочим, из Колумбии.

– Любопытно.

– Мы говорили о недавней истории страны, и я им о тебе кое-что рассказал.

– Знаешь, Андрей, интересное совпадение... Я ведь в отпуск собрался, в Колумбию. После эксперимента «Казанцев» идёт в Америку, я сойду на берег в Кальяо, в Перу, и сушей поеду в Медельин. Хочу посетить знакомые места, встретиться с людьми, повспоминать, как оно было в восемьдесят втором.

– Да, Костя, я рано или поздно ждал этого. Потому что ты не мог совсем туда не вернуться, это было бы неправильно, как невыполненное обещание. Интересно, что я тоже кое-что для себя решил.

– Кажется, я догадываюсь...

– Правильно догадываешься: после эксперимента я возвращаюсь в Ленинград. Соскучился по родному городу, по друзьям, которых вижу только на экране, по школе. Семь выпусков без меня, думаю, достаточно.

– Что ж, значит пора, Андрей, – произнёс моряк. Потом спросил: – Скажи, это встреча с «жаворонками» тебя навела на мысль о возвращении?

– Думаю, да. То есть, конечно, решение зрело долго, а встреча только ускорила. Мы в своё время много и с тобой обсуждали и спорили, и с другими о том, кто мы для них, для «жаворонков». И пришли, если помнишь, к очевидному, в общем-то, выводу: нужно не лозунги разворачивать, а стараться самим быть теми изменениями, которые мы хотим видеть в жизни. Стараться абсолютно честно, без притворства, в том числе – и в первую очередь – перед самими собой. Тогда и они верный путь изберут. Не тот, который нам кажется верным, – мы дети нашего времени и нашего «человеческого пейзажа», и взгляд наш тоже может «замыливаться», – а свой верный путь. И раз уж я учитель...

– ...Ты возвращаешься в школу. Да, одобряю. А смежными реальностями будешь продолжать заниматься?

– Конечно. Двери Лаборатории времени в Пулковке для меня всегда открыты. Буду добиваться, чтобы следующий, масштабный межтемпоральный эксперимент был проведён на Марсе. После эпопеи отрядов Хохлова и Горельшевой это вполне реально.

Андрей сделал паузу.

– Только вот что я скажу, Костя. Развилка произошла совсем недавно, поэтому тот мир, в который мы сегодня попытаемся заглянуть, существует и в нас, равно как наш мир существует в тех людях. Ты задумывался когда-нибудь, что мы с тобой – в какой-то другой своей ипостаси – живём и там тоже? Социальные условия только делают актуальной ту или

иную возможность, делают одни вещи осознанными, а другие бессознательными, или наоборот. А важно, в конечном счёте, то, что мы в себе культивируем, независимо от того, в какой из двух реальностей мы живём.

– Да, Андрей, основательно тебе там, в буддийских краях, мозги прочистили, – задумчиво произнёс Костя. – С одной стороны, ты говоришь правильные, очень правильные вещи. Но с другой... я не могу согласиться, что между миром социального благополучия и миром социального инферно нет разницы. Она огромная, поверь моему опыту.

– Я и не говорю, что нет разницы, но и там, и здесь у нас одна и та же цель внутренней работы: преодоление нарциссизма во всех его формах, расширение и осветление сферы осознанного.

– Это важная мысль. Давай обсудим её в Ленинграде.

– Обязательно. Кстати, Костя, ты помнишь, как наши москвичи нашли в архиве Ефремова письмо, где он говорит: напишите номер наступающего года, то есть 1961, теперь переверните «вверх килем» – ну как? – мол, конечно, суеверие, но наступающий год будет или очень хорошим, или очень плохим – или... или... А это как раз был год развилки двух реальностей.

– Ну, что могу сказать? Это ещё и год моего рождения.

– Однозначно, хорошее событие! – весело согласился Андрей. – Ладно, Костя, пора готовиться. Пожелаем друг другу ни пуха, ни пера.

– К чёрту!

– К чёрту! Крепнет единство народов и рас?

– Ленин и Будда слушают нас, – подытожил моряк. Это было как пароль и отзыв. – Удачи!

Андрей дал отбой. Затем прислонился к спинке кресла и прикрыл веки.

Толкнув лапами незапертую дверь, рыжий кот бесшумно проник в комнату и мягко вспрыгнул на колени. Семь лет – целая жизнь для кота. Ты помнишь Петроградскую, старина Кон-Бендит?

Солнце – на этих высотах уже неземное, ослепительно белое – заходило за хребет. День угасал. Вместе с ним угасало небесное пламя, разлитое в воздухе.

...И в предчувствии танца иноного,
С мимолётной улыбкой в глазах
Тихо вымолвит тайное слово
И исчезнет в ночных небесах.²

Завершение дня, завершение космического цикла, смена фазы ян на инь и обещание нового рассвета...

Московские друзья – оба обросшие и обгоревшие под высокогорным солнцем до медного оттенка кожи – проводили его до круглой башенки. Высотой метра четыре, она сооружена в течение последних двух недель во внутреннем дворе одноэтажного здания института и по форме напоминает башню оптического телескопа. Нижний этаж сооружения занимают аппаратура и заряженные под завязку супермощные аккумуляторные батареи. В верхнем, куда ведёт винтовая лестница, располагается пост оператора.

– Одна просьба, ребята: сейчас, как войдёте в здание, поднимитесь первым делом в радиорубку и поставьте что-нибудь Моцарта – только не Реквием, конечно, – пусть играет здесь.

Последние пожелания удачи – и друзья уходят по направлению ко входу в южное крыло институтского здания, над которым высится надстройка радиорубки. Из соображений безопасности во время эксперимента никто не должен оставаться во дворе. Странно,

абсолютно никакого ощущения торжественности момента или чего-нибудь подобного. Сознание просто не успевает за событиями.

Быстро темнеет. Слабый ветерок шелестит в жёсткой листве кустарников. Секунды проходят в тишине и сосредоточении. Затем медитативное состояние нарушается мелодией телефонного сигнала.

– Андрей, вы готовы?

Это директор, точнее – директресса института и руководительница всего проекта. Он живо представляет себе эту невысокую и хрупкую на вид женщину с большими раскосыми глазами и собранным на затылке узлом тяжёлых чёрных волос, с телефоном возле маленького уха. Так вон же она, в окне «русской комнаты» (так здесь называли их рабочее помещение), стоит и машет ему свободной рукой! Готов ли он? Костя в таких случаях любит повторять известный отзыв коммунаров-пионеров.

– Всегда готов!

– Тогда... – она сделала паузу, – можно начинать...

Операторская кабина тускло освещена мерцанием приборной панели. Выше по всему периметру располагается панорамный экран с видом ночной долины. Андрей усаживается в низкое винтовое кресло и берёт микрофон.

– «Казанцев», ответьте Ладакху!

Голос из динамиков неожиданно громок:

– «Казанцев» на связи. Слышу вас отлично, Андрей Михалыч.

– Рад слышать, Александр Дмитрич, – отвечает Андрей, узнав голос. – Готовы?

– Готовы.

– Начинаем.

Он переключает всю систему в автономный режим, затем протягивает руку к большой зелёной клавише и плавно вдавливая её в панель. Одновременно на противоположной стороне Земли другой оператор нажимает такую же клавишу, прокалывая планету невидимой осью.

Первые минуты не происходит ничего, только кривые в продолговатом окошке монитора плавно меняют свою геометрию. Затем изображение на большом экране покрывается рябью и в конце концов пропадает. Там, где были видны очертания горных склонов, территория института вблизи, огни жилья в долине, теперь клубится плотная чернота. Не слышно абсолютно никаких внешних звуков...

Когда он осознал, что уже находится в пространственном коконе где-то между мирами, стало жутко. Усилием воли он скрутил страх, переходящий в панику, не давая ему вырваться наружу. Пальцы рук, произвольно вцепившиеся в подлокотники кресла, медленно разжались.

Внезапно из темноты на экране сооткались контуры глубокого провала. Что это? Вход в тоннель Кип Торна?.. здесь?! Попасть туда – значит навсегда исчезнуть в отдалённой точке Мультивселенной, неизвестно в каком времени, пространстве и... физическом состоянии. Например, в виде сгустка плазмы. Ну нет! Как когда-то давно сказала одна китайская девушка одному «запавшему» на неё русскому парню, впоследствии известному геологу, «товарищ Мао нас послал сюда не за этим».

Отстранённо отметив, что чувство юмора остаётся при нём, Андрей потянул на себя рукоять, стабилизируя поле. Провал отодвинулся, от него потянулись какие-то светящиеся нити. Интересно, это мерещится, или провал есть на самом деле? Он продолжал держать поле, с беспокойством поглядывая на индикатор заряда батарей.

Наконец, по экрану вновь побежала рябь, которую сменила знакомая панорама долины, только не было на ней ни привычного здания института, ни парка, ни домиков кампуса. Вот тебе и портал в другую реальность! По противоположному берегу вверх по долине медленно двигалась вереница электрических огней. Убедившись, что видеозапись включена, Андрей приблизил изображение. Затем, будто не доверяя электронике, прильнул к окуляру перископа ночного видения.

За рекой по дороге один за другим ползли в ночи тяжёлые, затянутые брезентом военные грузовики. Один... второй... третий... – дорога делала крутой изгиб, обходя скальный выступ, и на повороте фары каждой проходящей машины, ярко вспыхивая, били с противоположного берега почти поперёк долины. Очевидно, в этом мире в приграничных районах неспокойно...

Андрей успел насчитать девять грузовиков, когда расход энергии превысил безопасный уровень, и сработала аварийная система возвращения. Операторский пост погрузился в темноту. Снаружи скрипичным вихрем ворвались летящие звуки сороковой симфонии Моцарта.

– Да, Макс, у вас здесь очень хорошо. Ландшафт почти полесский, милый сердцу, прекрасные учителя, ребята.

– И от дома тебе не так далеко, – добавил Максим.

– Конечно! Теперь по дороге в Калугу или в Москву я могу немного отклониться от маршрута. Ты сказал, чтобы я заезжала, вот я и подумала, что не стоит откладывать хорошее дело на неопределённый срок. А то послезавтра уже сентябрь, на учёбу пора.

– Молодец, что приехала.

– Ты и в Иркутске также говорил.

– Да, это у меня коронная фраза, – согласился директор. Он и тут был директором.

Только сегодня утром Максим вернулся со смены в родной педагогический посёлок, и был приятно удивлён, встретив здесь знакомую путешественницу, с которой расстался пару недель назад.

Олеся остановилась, чтобы поправить ремешок на босоножке. По боковой дороге они вышли на центральную улицу посёлка и теперь стояли на развилке рядом с высоким дубом. От ветвей дерева отделилась крупная чёрная птица и, плавно взмахивая широкими крыльями, полетела куда-то в сторону въездных ворот.

– У вас тут тоже вёроны водятся. – Девушка вложила в эту фразу всё своё уважение к древним умным птицам.

– Да, посещают, – подтвердил директор, – проводят инспекцию.

Они двинулись по центральной улице в сторону учебного центра. Приближался стук мяча – на площадке старшеклассники азартно резались в волейбол.

– Народ, привет, кого не видел! – крикнул директор, дождавшись, когда мяч отскочил от сетки и в игре возникла пауза.

– Привет, Макс! – донеслось в ответ несколько голосов. – С возвращением!

Олеся молча помахала игрокам рукой.

– Я завтра на собрании буду рассказывать про Иркутск, – снова заговорил Максим. – Как ты насчёт того, чтобы тоже поделиться впечатлениями?

– Охотно. Но после мне нужно мчаться в Калугу.

– Это не вопрос. До райцентра мы тебя вмиг подбросим, а дальше просто.

Замысловатые дома из брёвен и толстого бруса, украшенные резьбой, живописно раскиданы по большой поляне. Дорога идёт по её краю.

– Я ещё вот что хотела сказать, Максим. Мы с Никитой решили после института лететь на Марс, уже отправили свои заявления.

– Внезапно! – Максим на секунду остановился от неожиданности. – Это вы после впечатляющих новостей из Ладакха решили?

– Да. Эти новости нас застали прямо в Чарских песках. Мы ведь и не знали, что наш байкальский гость – Андрей Михайлов, известный открытием ветвления времени. Хотя Никита о чём-то догадывался, но помалкивал. Так вот... как раз подойдёт срок новой марсианской экспедиции, и мы сможем принять участие в следующем межтемпоральном эксперименте – можем быть техниками, сейсмологами, метеорологами, опять же... А для

Никиты, с его интересом на стыке географии и антропологии, это будет ещё и бесценный исследовательский опыт. Для меня, впрочем, тоже.

– А Камила с Энрике?

– Они – нет, они твёрдо решили быть учителями. Нет, я тоже по-прежнему собираюсь работать в школе, но только после возвращения.

– Значит, география расширяется до сравнительной планетографии, – подвёл итог Максим. – Про сходство и различие планет ты будешь рассказывать со знанием дела, и дети будут гордиться учительницей с Марса. Кроме того, возможно, вам удастся ещё больше приоткрыть дверь в соседнюю реальность, и наше человечество придумает, как помочь живущим на *той* Земле. Но скажи, Олеся, ты уверена, что вы справитесь?

– Я очень на это надеюсь.

Июль 2017 г.